

Всякая призрачная сонливость окончательно развеялась.

Пэй Юймо, редко проявлявший нерешительность, вертел в руках клочок бумаги, перечитывая его снова и снова, пока наконец не убедился: этот нелепый подарок прислал ему Цзян Цань.

С тех пор как Пэй Юймо встал во главе семьи, он отклонял немало даров. Секретарь Шэнь исправно докладывал обо всём, что оставляли у входа в офис, присылали по почте или передавали через посредников. Обычно это были дорогие часы, антиквариат, а порой и документы на недвижимость.

Но платье — это было нечто из ряда вон выходящее.

Он знал, что Цзян Цань повредился в уме, но не подозревал, что у того и со зрением проблемы. К тому же Пэй Юймо не считал, что их короткий и едва ли тянувший на спор разговор нуждается в примирении — слове, звучащем донельзя по-детски.

Они никогда не были в ладах. И у него нет нужды выстраивать отношения, которые можно было бы назвать добрыми, с человеком, дарящим ему платья.

Пэй Юймо накрыл коробку крышкой, с силой надавив пальцами на жесткий картон. Перед глазами внезапно всплыли слишком далекие воспоминания. Белое платье. Чужое имя. Мать, лежащая в луже крови и глупо улыбающаяся, прижимая руки к животу.

Рука Пэй Юймо резко дрогнула. Коробка соскользнула с края стола, и на пол вывалился край изысканного платья.

За окном заливались птицы, сияла чистая луна. В гостиной человек, распростертый на ковре, тяжело дышал, его лицо было мертвенно-бледным. Охрана снаружи не решалась вмешаться, лишь беспомощно наблюдала, как Пэй Юймо то открывает, то закрывает глаза. В его темных зрачках застыли боль и отчаяние, словно в глазах запертого в клетке зверя.

Лишь спустя долгое время он вновь обрел привычную холодную отстраненность.

Банкет начинался в восемь вечера.

Под яркими огнями ночь казалась светлым днем. Вокруг фонтанов, чьи струи искрились в лучах подсветки, благоухали цветы. Мужчины в строгих костюмах, женщины в пышных платьях, официанты, снующие с подносами шампанского — всё это напоминало светский раут конца прошлого века.

Цзян Цань прибыл заранее, сопровождая госпожу Пэй, но даже к девяти часам мужа её так и не было видно. Зато к ним подошли несколько модно одетых дам и, улыбаясь, завели светскую беседу, настойчиво приглашая госпожу Пэй присоединиться к их компании.

Госпожа Пэй, польщенная, слабо улынулась. Она сделала робкий шаг вперед, но пальцы её всё еще крепко сжимали край пиджака Цзян Цаня.

— Цаньцань... — прошептала она.

С самого начала она держалась рядом с ним, словно испуганная птичка, с любопытством и страхом озирая роскошный сад.

— Мама, всё хорошо, идите, — мягко сказал Цзян Цань. — Не бойтесь, я здесь, никуда не уйду.

Утешение подействовало. Госпожа Пэй направилась к дамам, и на её губах заиграла застенчивая, радостная улыбка. Цзян Цань взял бокал вина и присел неподалеку.

После десяти лет он редко посещал подобные мероприятия. Скучно. Мужчины обсуждают бизнес и инвестиции, женщины — семью и наряды, а дети жмутся по углам, тайком потягивая вино.

Но сегодня Цзян Цаню повезло — можно было послушать сплетни. Рядом расположилась группа молодых людей. Они не заметили его присутствия и продолжали оживленно болтать.

— Слышали, этот банкет организовала семья Янь? Но я обошел всё здесь и не вижу главу дома.

— Я тоже не вижу.

Тот, что сидел в центре, с видом знатока понизил голос:

— Да что вы! Разве не знаете? Глава семьи Янь никогда не появляется на таких приемах, обычно приходит его второй сын.

— Верно, я тоже видел только второго господина Янь...

— И не говорите. Неужели они все такие занятые? Столько лет прошло, а их позиция в мировых рейтингах богатства ничуть не пошатнулась.

— А моя мама говорит, что госпожа Янь очень красивая.

Оказывается, речь об Янях. Между богатыми семьями тоже есть свои границы. Семья Цзян, если поднапряжется, может дотянуться до уровня семьи Пэй в их худшие времена, но даже на крыльях им не достичь порога дома Янь. Семья Янь — старый, основательный род. В отличие от угасающего дома Цзян или дома Пэй, который внезапно вырвался вперед, они развивались стабильно, а их долгая история придавала им налет таинственности.

О таких кланах даже малейшая сплетня кажется лакомым кусочком. Цзян Цань тоже призадумался. И правда, он их никогда не видел.

Кто-то снова спросил:

— Мне вот интересно, их старший сын до сих пор лечится за границей? Не боится, что второй брат приберет всё наследство к рукам?

Тот же знаток понизил голос еще сильнее:

— Забудьте. Какое там лечение? Его просто потеряли.

Все ахнули.

— Это секретная информация, — продолжал он. — Наша бывшая няня работала у Яней. Говорят, госпожа Янь тогда в обморок упала, чуть глаза не выплакала.

— Да ну, бред какой-то. Как такое скрыть?

— На самом деле, возможно. Разве Яни не расширяют бизнес за границей? У них даже в Малайзии есть филиалы, может, они повсюду ищут ребенка.

Цзян Цань слушал, затаив дыхание. Подумать только, сколько в мире потерянных детей.

Вдруг разговоры стихли. Люди начали расходиться в разные стороны. Один из парней, пробегая мимо, по-товарищески толкнул Цзян Цаня:

— Второй Янь идет! Он дерется больно!

Цзян Цань не шелохнулся. Он посмотрел в ту сторону и увидел лишь промелькнувший высокий силуэт.

Он хотел было присмотреться, но тут раздался радостный голос госпожи Пэй:

— Хуншэн!

Её глаза засияли, подол розового платья взметнулся, когда она поспешила к мужчине у барной стойки. Цзян Цань поднялся и посмотрел туда же.

И тут же остолбенел.

В рассказах госпожи Пэй её муж был лучшим мужчиной на свете: честным, заботливым, мягким и любящим её больше всего на свете. Короче говоря, идеальный семьянин, каких Цзян

Цзян Цань не встречал даже в сериалах.

Но Пэй Хуншэн... если между ними и была связь, то сейчас от неё не осталось и следа. Про его бесконечные интрижки их поколение знало с самого детства.

Цзян Цань растерянно смотрел на поспешные шаги госпожи Пэй. Обрывки слухов, которые он слышал годами, сложились в единую картину.

Он слышал, что мать Пэй Хуншэна была властной и осторожной женщиной. Она довела корпорацию Пэй до пика, но при этом воспитала сына как безвольного маменькиного сынка.

Слышал, что у Пэй Хуншэна была первая жена, которую мать не любила, и они развелись. Вскоре он женился на другой, с ужасным характером, которая довела свекровь до полусмерти и родила такого же невыносимого ребенка — Пэй-второго-дурачка.

Еще слышал, что после смерти матери Пэй Хуншэн забросил дела и пустился во все тяжкие, изменяя жене направо и налево. Та в ярости избивала его, он скрывался, чтобы залечить раны, а потом всё повторялось вновь.

Цзян Цань с трудом вынырнул из омута сплетен. Так выходит, та первая брошенная жена — это госпожа Пэй?

Он посмотрел на мужчину, которого окликнула госпожа Пэй. Тот в изумлении обернулся, и всё его показное спокойствие мгновенно рассыпалось.

Пэй Хуншэн в панике отступил:

— Ты... ты как... подожди, не подходи ко мне!

Госпожа Пэй замерла:

— Хуншэн?

Громкий голос мужчины привлек внимание окружающих. Увидев, как госпожа Пэй пошатнулась, Цзян Цань бросился к ней и подхватил под руку:

— Мама, вы в порядке?

Госпожа Пэй, обессиленная, привалилась к его плечу. Её ладони были холодными, а взгляд — растерянным. Пэй Хуншэн не обращал внимания на Цзян Цаня — да и вообще ни на кого. Он оглядывался по сторонам, пытаясь спрятаться в тени фонтана, явно боясь, что его увидят рядом с госпожой Пэй. На лице его читались отвращение и страх.

Пэй Хуншэн сделал шаг. Цзян Цань, поддерживая госпожу Пэй, сделал два. Пэй Хуншэн еще два — Цзян Цань четыре.

Этот проклятый негодяй еще и бежать вздумал?

Вспомнив, сколько зла тот мог причинить госпоже Пэй и её сыну, Цзян Цань ощутил прилив праведного гнева.

— Всё хорошо, мама, не бойтесь его. Раз он не хочет, чтобы мы подходили — мы подойдем.

Расстояние быстро сократилось, и Пэй Хуншэн был вынужден выйти из тени фонтана на свет.

Цзян Цань, полный решимости, вдруг замер и в шоке расширил глаза. Он редко видел Пэй Хуншэна, а после ухода из семьи Цзян и вовсе не встречал — но прошел всего год, а не десять или двадцать.

В памяти Цзян Цаня Пэй Хуншэн всегда был щеголем, следящим за собой, на вид лет тридцати. Но сейчас... волосы поседели, лицо осунулось до неузнаваемости.

Неужели измены так уродуют?

Цзян Цань не сдержался:

— Боже мой, да вы же постарели до неузнаваемости!

Пэй Хуншэн, пытавшийся сбежать, замер:

— ...?

<http://bllate.org/book/21476/2197578>